

В.А. Шкерин (ИИиА УрО РАН)

ВСТРЕЧА ДЕКАБРИСТОВ С.Д. НЕЧАЕВА И М.И. ПУЩИНА В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Предписание московского генерал-губернатора князя Д.В. Голицына чиновнику особых поручений надворному советнику С.Д. Нечаеву от 5 октября 1826 г. гласило: «Во исполнение Высочайшего повеления, изъясненного в отношении ко мне г. начальника Главного штаба Его Императорского Высочества, Ваше Высокоблагородие назначены в помощь к флигель-адъютанту полковнику графу Строганову для проведения порученного ему исследования; вследствие чего ... я предписываю вам немедленно отправиться вместе с проживающим здесь башкирцем Аютом Мугатмаевым сыном Дяушевым в город Пермь по нахождению там ныне флигель-адъютанта графа Строганова»¹.

Вот уж, действительно: «Бог ведает куда, Бог ведает зачем»! Время уже повернуло на зиму, и московскому жителю мало радости тащиться через пол-империи в провинциальную Пермь с секретным предписанием и невесть откуда взявшимся башкирцем. Однако, со Степаном Дмитриевичем Нечаевым случай вышел особый. Новый император Николай I повелел «истребовать по всему государству от всех находящихся в службе и отставных чиновников и неслужащих дворян» расписки «в том, что они ни к каким тайным обществам, под какими бы они названиями не существовали впредь, принадлежать не будут», а если кто принадлежал к подобному обществу прежде, то обязан сообщить «под каким названием оно существовало, какая была цель и какие меры предполагалось было употребить для достижения той цели»². К указу прилагались образцы расписок: форма № 1 — о непринадлежности к тайным обществам; форма № 2 — о бывшей принадлежности.

Нечаев воспользовался формой № 1. Но 16 июня 1826 г., при проведении соответствующего опроса среди служащих Московского учебного округа было получено следующее признание: «Я, нижеподписавшийся коллежский ассессор Дмитрий Игнатьев сын Альбицкий, в исполнение Высочайшего Его Императорского Величества повеления, по чистой совести, без всякой утайки сим объявляю о кратковременной прикосновенности моей к Союзу благоденствия, в который вступил членом в начале 1819 года по предложению бывшего тогда директором тульских училищ титулярного советника Степана Дмитриева сына Нечаева...»³. Признайся

Нечаев сам — ответил бы на пару вопросов следственной комиссии, и все проблемы. Теперь же речь шла о ложной клятве. Начальник второго округа Московского корпуса жандармов А.А. Волков получил от своего шефа А.Х. Бенкендорфа указание собрать «полные сведения» о С.Д. Нечаеве⁴. Бог весть, на какие рычаги пришлось надавить, но тут-то клятвopеcтупника и отправили в продолжительную командировку на Урал — подальше от сетей молодого жандармского ведомства.

Графа А.Г. Строганова С.Д. Нечаев нашел не в губернской Перми и даже не в горном городе Екатеринбурге, а в заводском поселке Кыштыме, куда прибыл 26 октября. И начались нечаевские «исследования о возникших в Пермской губернии расколах», сопряженные с разъездами, о которых он не без гордости писал в итогом отчете Строганову в конце января или начале февраля 1827 г.: «Таким образом, в течении трех месяцев проехал в разных направлениях до 3500 верст...»⁵.

С одной стороны, поездка Нечаева была засекречена настолько, что жандарм Волков так и не сумел получить сведения о его местопребывании. С другой стороны, новоявленный ревизор был обязан предоставить начальству не только отчеты и служебные записки, но даже собственный дневник. Единственное, что не предназначалось для начальственных глаз — маленькие записные книжечки, которые Нечаев вел во время странствий по Уралу. Записи в них отрывочны, обычно сделаны карандашом, вероятно, во время кратких остановок на почтовых станциях, а то и в дороге. Но это отражение первых, самых непосредственных впечатлений от увиденного и самые «непричесанные» мысли. Есть здесь и упоминания о встречах, о которых в дневнике — ни слова.

Вот, например: «Наталья Алексеевна Колтовская, полковница»⁶. Та самая «Колтовщица» из сказов П.П. Бажова. «Почто она в Сысерти жила, овдовела али с мужем развелась, про то мне не известно, — писал Павел Петрович. — Одно знаю — ни про одну старинную барыню у нас в заводах речей нет, а про эту Колтовщиху помнят. Оставила, значит, следок». Ох, уж оставила! По всем статьям была вздорная особа. Не от мужа, обербергмейстера Н.Т. Колтовского, а от дипломата Д.П. Татищева родила сыновей Павла и Владимира Соломирских. Ходили слухи, что у П. Соломирского был еще более знатный родитель — сам император Павел I⁷. Если же верить бажовским сказам, то не брезговала «Колтовщица» и крепостными: «Нет-нет, из Сысерти слышок дойдет: взяла, дескать, барыня нового кучера, а старого отставила. А уж все знали, в чем тут загвоздка». Еще более она прославилась распрями с родственниками за право владения Сысертским горным округом⁸. «Колтовская ... по собственной своей воле ... начала распоряжаться в заводах совершенно самовластно, забра-

ла к себе все документы, произвела многочисленные захваты заводских сумм, противодействовала распоряжениям правительственных лиц...», — жаловались на нее неудачливые совладельцы — корнеты гусарского Саксен-Веймарского полка Н. и А. Турчаниновы⁹.

Не удивительно, что император Александр I, при совершении вояжа в 1824 г., попытался избежать гостеприимства Колтовской, ради чего даже остался на ночлег «в селении Тюбукском»¹⁰. Зато не ведавшему тайн российской светской жизни знаменитому немецкому путешественнику Александру Гумбольдту «фрау Натали» оказала в 1829 г. самый пышный прием¹¹. Между двумя упомянутыми у Колтовской случился еще один любопытный гость — декабрист Михаил Иванович Пущин.

Дело в том, что в распоряжении Колтовской помимо прочего оказался и деревянный дом владельцев Сысертских заводов на Вознесенской улице Екатеринбург, рядом со знаменитой усадьбой П.Я. Харитонова. Когда в 1826 г. через Екатеринбург в Сибирь везли первых осужденных декабристов, Наталья Алексеевна не преминула встретиться с несчастными. Известно, что она долго беседовала по-французски с князем С.П. Трубецким¹². Едва ли это были слова утешения или поддержки. В этом убеждает свидетельство М.И. Пушина, отправлявшегося в Сибирь с другой партией ссыльных: «Пожилая женщина начала по-французски нас благодарить: «Задумали вы безумную вещь, — сказала она, — слава Богу, что высылают вас в Сибирь и Россию тем от заразы избавляют...»¹³. Но, вероятно, узнав о знакомстве Пушина с одним или обоими ее сыновьями, Колтовская смягчилась и даже пригласила его погостить, когда случится ехать в обратном направлении.

Случай представился довольно быстро. Уже 26 августа 1826 г. царь Николай I подписал указ о переводе декабристов, определенных к службе рядовыми в сибирские гарнизоны, на русско-персидскую войну. Под действие монаршей милости попадали П.П. Коновицын, Н.П. Окулов, А.А. Фок, Н.Р. Цебикив и М.И. Пущин. Таким образом, не успев толком обосноваться в Красноярском гарнизонном батальоне, солдат Михаил Пущин двинулся в обратный путь. «Поспешал я в Екатеринбург, чтобы воспользоваться любезным приглашением Колтовской и исполнить обещание мое через четыре месяца у нее погостить; после стольких дней быстрой езды по Сибири отдохнуть было необходимо. ... В Екатеринбурге прямо к Колтовской приехал я в десять часов вечера и на другой день Рождества»¹⁴. Следовательно, Пущин появился в горном городе вечером 26 декабря. Гостил же он у Колтовской не два дня, как это указано в известном биографическом справочнике «Декабристы», а, по собственному признанию, в пять раз дольше.

«Десять дней в Екатеринбурге у Колтовской были одними из самых приятных дней моей молодости, — вспоминал М.И. Пущин. — Хозяйка из себя выходила, чтобы сделать пребывание мое у нее источником всех возможных удовольствий, разнообразила ежедневные празднества, приглашала для меня и более приятных из мужского общества — сенатора Нечаева, его секретаря Завьялова, бывших в Екатеринбурге на ревизии. С Нечаевым я ездил на Верхисетские заводы Яковлева, прикащик которого, простой крестьянин, издерживал до 100 т. руб. асс. в год на приемы гостей; у него был совершенный трактир, приезжало всякий день множество гостей, которые в положенный час обедали, играли в карты, на билиарде, пили чай и после ужина поздно вечером возвращались в город. Управляющий никогда не знал, сколько у него будет гостей и всегда готов был на их принятие»¹⁵.

«Значит и на такое Нечаев осмелился», — комментирует эту поездку современный биограф Нечаева московский публицист В.О. Осипов¹⁶. Думается, что пафос здесь излишен: Пущин направлялся не в Сибирь, как полагает исследователь, а из Сибири. Соответственно, ехал без стражи и был волен делать остановки. Да и Верх-Исетский завод всего в двух шагах от Екатеринбурга. А вот кто такой Завьялов — загадка. И был ли у Нечаева в той поездке секретарь, учитывая, что и сам он сенатором еще не являлся? А ежели был, тот не тот ли самый, который в ноябре 1825 г. жил в московской квартире Нечаева и о котором он писал декабристу А.А. Бестужеву, что его «надолго переместить нельзя, не вспыхивая чернильной его крови»¹⁷? Что же касается личности верх-исетского управляющего, тут все ясно: речь о Егоре Артемьевиче Китаеве — небезызвестном старообрядце и изобретателе первой отечественной машины для обработки золотоносных песков¹⁸.

В дальнейшем Михаил Пущин отслужил свое на фронтах русско-персидской и русско-турецких войн, с трудом получая мальчишеские чины от унтер-офицера до поручика. Был ранен в грудь на вылет, встретился с Пушкиным, совершавшим путешествие в Арзрум, наконец заслужил отпуск для свидания с родными, а в 1831 г. — и отставку. Впрочем, был оставлен под строжайшим секретным надзором с запрещением въезда в Петербург. Когда же прежний товарищ по тайному обществу князь А.А. Суворов добился для него права на въезд в столицу, то оно оказалось сопряжено с обязанностью являться в III Отделение для определения срока пребывания. От надзора Пущина освободила только амнистия 1856 г., а в следующем году ему вернули чин капитана, отобранный в 1826 г. В конце жизни он еще успел принять участие в подготовке отмены крепостного права и даже стал генералом и комендантом Бобруйской крепости. Скончался в 1869 г.

Жизнь Степана Нечаева протекала более гладко. Репутация знатока старообрядчества и сектантства, заработанная в уральской поездке, обеспечила ему карьеру в Святейшем Синоде. С 1833 по 1836 гг. он даже служил синодальным обер-прокурором, но отношения с церковными иерархами (которых он насмешливо величал «старичками») не заладились, и его сместили. Далее была служба в московских департаментах Сената, сколь почетная, столь и мало влиятельная. Зато Нечаев прославился как благотворитель (учредил и возглавил Комитет для разбора и призрения просящих милостыню, ежедневно принимавший от 100 до 1000 просителей), как инициатор воздвижения памятника героям Куликова поля (частично находившегося на территории его поместья), а также как отец промышленника Ю.С. Нечаева-Мальцова, спонсировавшего создание в Москве Музея изящных искусств имени Александра III (ныне — Музей изобразительных искусств имени А.С.Пушкина). Умер Нечаев в 1860 г. в своем имении, а похоронен в Москве, «по генеральскому регламенту», на кладбище Новодевичьего монастыря.

Примечания

1. [Субботин Б.С.] Исследования о Пермском расколе в начале царствования императора Николая (Из архива С. Д. Нечаева) // Братское слово. 1893. Т. 1. С. 533–534.
2. ГАСО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 42. Л. 17 об.–18.
3. Отполоски 14-го декабря в Московском университете. Сообщил М. Гершензон // Русская старина. 1910. № 2. С. 36.
4. Декабристы: Биографический справочник М., 1988. с.396; Мухина С.Л. Безвестные декабристы (П.Д. Черевин, С.Д. Нечаев) // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 243.
5. РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 111. Л. 8 об.
6. Там же. Д. 5. Л. 5 об.
7. Самарина Н.А., Тагильцева Н.Н. Последний владелец Сысертских заводов // Полевской край. Екатеринбург, 1998. С. 127.
8. Неклюдов Е.Г. Сысертские заводы наследников А.Ф. Турчанинова в конце XVIII — середине XIX в.: модель «конфликтного владения» // Уральский исторический вестник. № 9. Екатеринбург, 2003; Шкерин В.А. Сысерть. Екатеринбург, 2002. С. 32.
9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 179. Л. 2 об.
10. Белов В.Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. С. 60–61; Тарасов Д.К. Воспоминания моей жизни // Русская старина. Т. V. 1872. Март. С. 364–365.
11. Бушняк П. Загадка САФТ // Уральский следопыт. 2003. № 7. С. 7.
12. Тальская О.С. Декабристы в Екатеринбурге. Свердловск, 1957. С. 9, 42.
13. Пуцин М.И. Записки // Русский архив. 1908. Март. С. 450–452.

14. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург. Екатеринбург, 2000. С. 145.
15. Там же. С. 146.
16. Осипов В.О. Перстень с поля Куликова. М., 1987. С. 62.
17. К литературной и общественной истории 1820–1830 гг. Сообщил В.Е. Якушкин // Русская старина. 1889. С. 319.
18. Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале. Свердловск, 1982. С. 52; Молчанова Г.Ф. Верх-Исетский завод. Екатеринбург, 2001. С. 51.